

ГУФЕЛЬД

Беспокойная душа

Давным-давно, разбирая напечатанную в «Шахматном бюллетене» партию, где черными в сицилианской защите незнакомый мне тогда молодой шахматист Гуфельд успешно применил новый острый вариант, я подумал, что он шахматист интересного комбинационного стиля, а вариантик этот надо оприходовать для будущего. А сейчас тот заочный диагноз подтверждает энциклопедический словарь «Шахматы». Там в конце статьи о Гуфельде сказано: «Шахматист комб. стиля. Внес ценный вклад в разработку шахм. дебютов, в т.ч. сицилианской и староиндийской защит». Это, конечно, верно, но ведь комбинационных мастеров и видных теоретиков немало, а вот Гуфельд, можно сказать, единственный в своем роде. В его мировосприятии удивительно сплелись вулканическая энергия и фантазия, романтическая преданность красоте шахматного искусства и неукротимое стремление вовлечь широкий круг коллег в свои шахматные переживания... Словом, беспокойная душа.

Судьбе было угодно, чтобы я сыграл в биографии Эдуарда Гуфельда некоторую роль.

В 1967 году Эдик довольно успешно выступил в международном юбилейном турнире в Ленинграде. Однако не дотянул до гроссмейстерской нормы какую-то десятую очка. Президиум Шахматной федерации СССР решил, что ходатайствовать перед ФИДЕ о присвоении звания не грех. Послали бумаги на конгресс, который был проведен поздней осенью в Венеции. От нашей федерации на конгрессе было трое: председатель Б.Е. Родионов, чемпион мира Т. Петросян и я в качестве консультанта. Я был новичком, но не сомневался в том, что «функционер» такой могучей федерации должен быть активным. Итак, мы выдвинули следующую аргументацию: Гуфельд по жребью оказался в нижней половине стартовой таблицы и поэтому сыграл черными на две партии больше, чем белыми, так как во время турнира выбыл гроссмейстер Штальберг, с которым Гуфельд должен был сыграть белыми. А шахматная статистика говорит, что на какой-то процент белые выигрывают больше,

Группа участников турнира дружественных Армий. Второй слева Э. Гуфельд

и если это принять во внимание и все, что надо сложить и разделить, то получится, что у Гуфельда никакого недобора нет, то есть набранные очки вполне соответствуют норме, установленной ФИДЕ.

Чтобы подкрепить эту занимательную арифметику, мы подали на рассмотрение итоги международного турнира в Сочи, прежде итогов Ленинградского турнира. В Сочи норму международного мастера выполнил финский мастер Х. Вестеринен, который позднее, еще не оформленный, играл в Ленинграде. Я надеялся, что президенту ФИДЕ шведу Фольке Рогарду будет приятно считать Вестеринена в Ленинграде полновесным международным мастером. Как-никак, а Швеция и Финляндия — добрые соседи.

Все сложилось удачно. Квалификационный и центральный комитеты ФИДЕ кандидатуру Гуфельда поддержали, и решение конгресса было предпрешено.

Прошло некоторое время, и свежиспеченный гроссмейстер Гуфельд появился в моей рабочей комнате.

(Между прочим, я оказался последним в истории Шахматной федерации СССР ведущим функционером, который сидел в одном кабинете вместе с сотрудниками. Сообщаю не для того, чтобы похвалиться скромностью, а просто как еще одно доказательство действия закона Паркинсона и правоты древних римлян, которые говорили: «Tempore mutantur», то есть — времена меняются).

Эдик пришел по основному вопросу, который беспокоил ведущих шахматистов: хочу поехать на международный турнир за рубеж!

Я начал Эдику объяснять, что план выездов не резиновый, что кандидатов много... Одним словом, ария продавщицы из ненаписанной оперы «Вас много, а я одна». Естественно, убедить не удалось. Тогда я сказал Эдику, что обижаться на меня он права не имеет, так как я, несомненно, сыграл важную роль в бою за его титул. Ни секунды не задумавшись, Эдик провозгласил: «Ты меня породил, ты и должен послать на международный турнир!»

Я ответил, что хотя идея интересная, но теперь он меня не убедил. Эдик ненадолго удалился и вскоре появился с листом бумаги. Я сожалею, что эта рукопись не сохранилась. Сравнительно недавно Эдик, быть может, веря в утверждение классика, что рукописи не горят, убеждал меня, что я его заявление сохранил. А сказано в нем было следующее. Гроссмейстер просил послать его для участия в международном турнире в капиталистическую, либо социалистическую страну, либо в страну, которая по историческим причинам миновала одну из общественных формаций. Имелась в виду, конечно, Монголия, турнир в Улан-Баторе. Заявление я прочитал не без удовольствия, но положительное решение не состоялось. Ничего не поделаешь, нет правды на земле. (Между прочим, я заметил, что командировки на международные турниры в капиталистические страны не срывались по болезни, а вот в другие изредка вызывали отказ из-за конъюнктивита или иных недугов).

Путь гроссмейстера Гуфельда в шахматном мире, его энергия и трудоспособность удивляют и вызывают уважение — участие во множестве соревнований, в международных, в восьми финалах первенства СССР, огромная и успешная тренерская работа, дававшая выход его общительности, его желанию поделиться своими знаниями и своим романтическим видением сути шахматной игры, литературная деятельность (от теоретических работ, анализов и комментариев до рассказов на шахматную тему), незаурядные организационные способности и многое другое.

Мне кажется очень мудрой восточная пословица, что человек познается в совместном путешествии. Несколько раз мне довелось путешествовать вместе с Эдиком.

По дороге на межзональный турнир в Бразилию я узнал, что Эдик имеет высокий класс не только в интеллектуальной игре. Мы задержались в Милане, ждали рейса. Гуляли по городу, оказались в

местном подобии парка культуры, где, естественно, трудились наперсточники. Вероятно, они не ожидали, что киевская школа Эдика окажется выше итальянской. И пришлось за науку платить.

Я слышал, что в юности Эдик любил играть в футбол, и помню его, когда он был стройным. Однако богатырский аппетит неуклонно делал свое дело, и его увлечение футболом я вспомнил, когда мы ночью летели над океаном.

Наши места в самолете оказались рядом. Эдик во сне стал брыкаться. Может быть, ему снилось, что он снова мальчишка и играет в футбол. Самолет пересек экватор, вскоре рассвело, стюардесса стала разносить влажные горячие салфетки, чтобы стереть с лица остатки сна. Эдик спал. Я взял салфетку и решил, что будет остроумно коснуться ею лица моего соседа. Горячая, вроде бы остроумно. Стюардесса поглядела на меня пристально, во взгляде сквозил укор. А Эдик проснулся и не обиделся. Они сам был склонен подшутить. (Однажды он меня и разыграл, правда, не так грубо).

Нашим соседом через проход оказался очень старый морщинистый и худой господин. Проснувшись, он снял ноги со спинки стоявшего перед ним кресла, свободного от пассажира. В этой акробатической позе, с ногами выше головы, он во сне преодолел экватор. Далее он снял сверху свою гитару и начал напевать, аккомпанируя себе. Это произвело на нас серьезное впечатление. Эдик немедленно вступил в контакт и выяснил, что господин — итальянец, в Бразилию летит повидать своих потомков и что он привык не унывать никогда.

Межзональный турнир происходил в симпатичном городе Петрополисе, небольшом, хотя когда-то он был столицей Бразилии. Шахматистов привезли из Рио прямо к месту проживания в отель по названию «Амобтур». Он расположен на высоте тысяча четыреста с лишним метров над уровнем моря. Петрополис на двести с лишним метров пониже. Чистый горный воздух, ухоженные помещения, прекрасная кухня да еще бассейн. Правда, был июль — разгар бразильской зимы, и местные в бассейне не купались — вода +18 градусов. Вроде бы санаторий повышенного типа. Однако в нашей бригаде оказались два урбаниста — Смыслов и Геллер. Они не пожелали жить в деревне, и их разместили в городе, в гостинице, из окна которой периодически можно было слышать пение петухов, которые не хуже своих родичей из Старого света следили за временем, за точным бразильским временем. Эдик был

секундантом гроссмейстера Геллера, я — Смыслова. И пришлось нам с Эдиком чуть ли не ежедневно ездить сверху вниз двадцать километров на автобусике утром, потом обратно вверх на обед и снова вниз на турнир и так далее.

Турнир двинулся вперед, трудный, напряженный и, в конечном итоге, быстротекущий. Как шахматная партия — вроде бы много времени на обдумывание, сидишь, размышляешь и, глядишь, вдруг цейтнот. Время кончилось.

Жизнь в «Амобтуре» текла размеренно, народу по будним дням было мало. Эдик, разумеется, не упустил возможности искупаться в бассейне. Его попытка организовать секцию моржей по-бразильски успехом не увенчалась, однако свидетели были довольны, и даже всегда серьезный гроссмейстер Решевский в ответ на приглашения фыркающего в воде Эдика: Сэмми! Кам ту ми! — купаться не спешил, но улыбался неожиданно доброй и светлой широкой улыбкой. Обидеться на Эдика было невозможно.

Жилища наши были расположены в одноэтажном строении, у каждого свое. Комнаты непохожи на европейские, не отапливаемые, с постоянно занавешенными окнами. Каждая ячейка имеет выход на галерею. Моим соседом слева оказался секундант гроссмейстера Мекинга, пуэрториканец, международный мастер и чемпион мира среди юношей Хулио Каплан — худощавый, рыжеволосый, со скромными манерами, даже, пожалуй, несколько стеснительный. Языковой барьер здороваться не мешал, а, когда понадобилось выйти за пределы стандартного приветствия, я обратился к нему по-русски, подозревая, что если уж фамилия Каплан, то это допустимо. Оказалось, что он немного понимает.

В выходной день организаторы повезли нас на экскурсию в Рио, а под вечер затеяли большой блицтурнир по швейцарской системе. Играли в спортивном сооружении, на крытой баскетбольной площадке. Участников тьма, неразбериха полная. Судьи не справляются с жеребьевкой, и через несколько туров становится ясным, что сегодня турнир не кончится. И тут в дело вступает Эдик. Без промедления из «швейцарки» вычленяется небольшой круговой турнир, большинство участников — свободны, и, что важно, среди последних я и Хулио, хотя вроде бы какие-то основания продолжать у нас были. Однако делать нечего, новое соревнование началось, а мы сели за свободный столик играть блиц просто так. Вскоре к нам подошел самый главный сеньор и спросил, почему мы не

в турнире. Хулио что-то ему ответил. Сеньор протянул мне руку, крепко пожал и сказал: «Пердонис!» Я смекнул, что это по-португальски «пардон». До этого я освоил слово «О бригадо», что значит: «спасибо». Таким образом, мой запас португальских слов удвоился. Эдик же благополучно завершил блицтурнир высоким призовым местом. Что же до языкового барьера, то для Эдика он просто не существует. Причем не только при личном общении, когда можно сваливать на энергичную жестикуляцию, гипноз или еще что-либо. И вот доказательство.

Как-то я, находясь на туре в Петрополисе, после того как участники окончили дебютную стадию, вышел с товарищами на улицу этого славного городка, носящую гордое название Прима авенида. Главная, стало быть. И в магазинчике приобрел, как принято говорить, сувенир для сына. Если сказать попроще — некий промтовар. Его аккуратно завернули, и этот пакет после тура, разгоряченный цейтнотными событиями, я, конечно, забыл в пресс-центре. Хватился в автобусе. По жизненному опыту казалось — поздно! Стали звонить из «Амобтура» в пресс-центр, дозвонились, мне помогал товарищ с хорошим английским — не помогло, я пытался со своим скромным немецким — без успеха. Трубку берет Эдик и быстро решает вопрос на своем межпланетном наречии. Его понимают.

А когда он читает лекцию по-английски, то ничуть не смущается отсутствием оксфордского произношения. У него есть подготовленный вариант для слушателей, склонных к критике: «Прошу поднять руки тех, кто лучше меня говорит по-русски!» Я был свидетелем того, что руки не поднимают. А было это в городе Дубаи, в Объединенных Арабских Эмиратах, во время Олимпиады.

Там же, в Дубаи, я был свидетелем того, как биополе Эдика поднимает дух окружающих. Мы зашли в маленький магазинчик купить какую-то электрическую штучку. За прилавком стояла в единственном числе очень грустная женщина. Оказалось, что она из Ирана, покинула страну при известных катаклизмах. Эдик поговорил с ней, пошутил, она улыбнулась и сказала, что улыбнулась первый раз после отъезда.

На Олимпиаде в Греции, в 1984 году, Эдик обнаружил хобби — собирал значки. К делу отнесся серьезно, привез запас своих значков и принялся их менять. При его коммуникабельности дело пошло так бойко, что вскоре Эдик сказал: «Прекращаю». А на

вопрос, почему, он объяснил: в результате обменов к нему стали возвращаться его же раньше обмененные значки.

Эдик успешно исполнял роль тренера и капитана сборных команд страны на Олимпиадах и на первенстве мира. Часто, когда он был в составе делегации в качестве тренера, он энергично решал с местными организаторами вопросы, интересовавшие делегацию, завоевывая симпатии всех окружающих, включая, к примеру, директора гостиницы. Там же, в Греции, в Салониках, во время Олимпиады Льву Полугаевскому, безвременно ушедшему из жизни, исполнилось пятьдесят лет. Конечно, от дирекции гостиницы был преподнесен торт с пятьюдесятью свечами. Идея была Эдика, разумеется.

Запомнилась мне одна сценка в ресторане этой же гостиницы. Во время завтрака входит Эдик и неподалеку от стола, где я сижу, объявляет, что есть возможность заказать недорого кожаную куртку. Не подозревая подвоха, я спросил про размер. Эдик бодро ответил, что надо измерить объем груди. Я машинально достал из кармана ключ, висевший на брелке — маленькой рулетке. И немедленно сунул руку обратно в карман, так как физиономия Эдика уже расплылась от удовольствия. Шутил, однако. Очень ему хотелось, чтобы я при всем честном народе измерил объем груди.

Про Эдика в устном народном шахматном творчестве ходила легенда, что, когда он был юным шахматистом, то, записав при откладывании партии проигрышный ход, сообразил чуть позднее и, выхватив конверт из руки судьи, пустился бежать. За ним погнались, но Эдик успел разжевать и проглотить конверт, спасая партию. Эдик эту байку отрицает, но она подозрительно долго имела хождение.

На тренерском поприще Эдик достиг незаурядных успехов. Он был тренером Майи Чибурданидзе, победившей несравненную Нону Гаприндашвили, когда казалось, что нет силы, которая может свергнуть шахматную королеву. Тренировал сборную Грузии, был тренером женской команды СССР на Всемирных шахматных Олимпиадах, годы успешно трудился с гроссмейстером Геллером. Эдик занимался с шахматистами многих стран. Его методы тренировки оригинальны и кое у кого вызывали вопросы, но результаты давали неизменно убедительный ответ. По праву он был отмечен званием заслуженного тренера СССР.

Как-то перед Олимпиадой в Греции в 1984 году Эдик занимался с женской сборной командой Индии. В глазах девушек он был,

вероятно, кем-то вроде шахматного полубога. И вот Эдик не то в шутку, не то всерьез раздал девушкам свой фотопортрет, чтобы они в трудный момент партии смотрели на него, вспоминали тренерские советы и не теряли уверенности. Сделал он это задолго до ставшего знаменитым Алана Чумака. Любопытный психологический ход. Как говорят скептики, удивляйся, но не подражай. А для оптимистов — пища для ума.

Красивые комбинации всегда вызывали у Эдика бурю эмоций. Он готов был воспевать их, не щадя времени, в прозе шахматной и литературной. В стихах и музыке, правда, не был замечен. Не без его энергии в ФИДЕ возникали комиссии, радеющие за красоту в шахматном искусстве. Естественно, что собственные творческие достижения вызывали у него прилив энергии и стремление поделиться своими восторгами с самой широкой аудиторией. Он печатал свои лучшие партии и комбинации в журналах на самых разных языках. Это, конечно, не радовало «пострадавших». Что уж тут поделаешь. Истина дороже. Эдик предоставил широкие возможности восхищаться своими «бессмертными», «Мона Лизами» и другими творениями множеству шахматистов. И немало получило удовольствия. А его партия, сыгранная в 1973 году с В. Багировым, пройдя по страницам множества журналов, завершила свой путь в шахматной энциклопедии.

Долгие годы судьба носит Эдика по планете. Он родился и начал свой жизненный и шахматный путь в Киеве, годы жил в Грузии, тренировал в Малайзии, играл в Европе, Азии, Америке и Австралии, а под конец и вовсе стал американцем. Во всяком случае мой товарищ был у него в гостях в Лос-Анджелесе, в его скромной квартире, где в причудливой комбинации видел предметы быта, одежду, шахматную литературу.

Красота шахматного творчества привела Эдика в восторг раз и навсегда.

Быть может, несколько некстати вспоминается известное замечание, написанное корифеем всех времен и лучшим другом шахматистов: «Эта штука сильнее гетевского «Фауста». Любовь побеждает смерть». (Дотошные люди, правда, придираются: кто же побеждает? Любовь или смерть?).

Эдик доказал, что любовь к шахматам побеждает всех. И важно, где они живут — на Украине, в России, Грузии, Индии, в Америке, наконец...

Староиндийская защита
В. Багиров — Э. Гуфельд
 Полуфинал 41-го чемпионата
 СССР
 Кировабад 1973

**1.d4 g6 2.c4 ♘g7 3. ♖c3 d6 4.e4
 ♜f6 5.f3 0-0 6. ♙e3 ♜c6.**

Белые избрали систему Земиша, которая была популярна долгие годы. Гуфельд, адепт староиндийской защиты, в своих комментариях считает ее тяжелой. В распоряжении черных были варианты, начинающиеся ходом 6...e5.

7. ♙ge2 ♜b8 8. ♜d2 a6 9. ♙h6.

Белые прямолинейно готовят штурм позиции короля черных, допуская их активность на ферзевом фланге. Завязывается острая борьба.

**9... b5 10.h4 e5 11. ♙:g7 ♜:g7
 12.h5 ♜h8.**

Нельзя было брать пешку 12... ♙:h5 из-за 13.g4 ♜f4 14. ♙:f4 ef 15.cb ab 16. ♙:b5 ♜e7 17. ♜:f4 ♜g8 18.0-0-0, и у белых подавляющее позиционное преимущество и лишняя пешка.

13. ♙d5! bc! 14.hg fg 15. ♜h6.

Гуфельд считает, что целесообразнее для белых было продолжение 15. ♙:f6 ♜:f6 16.d5 со сложной позиционной борьбой. Однако выпад ферзя соблазнителен. Возникают головокружительные осложнения.

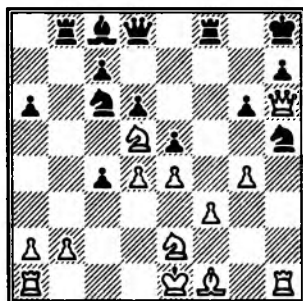
15... ♙h5!

Проигрывало 15... ♜f7 из-за 16. ♜:g6 ♜g8 17. ♜:f6+ ♜:f6 18. ♙:f6 ♜~ 19. ♜:h7+ ♜:h7 20. ♙:h7 ♜:h7 21. 0-0-0, и у белых материальное и позиционное преимущество.

16.g4.

Положение черного короля опасно, но Гуфельд начинает действия на ферзевом фланге.

16... ♖:b2 17.gh g5.

У белых лишняя фигура, однако черные господствуют в центре. К тому же белый ферзь в «офсайде».

18. ♖g1 g4!

Закрывая вертикаль и грозя выпадом ферзя.

19.0-0-0 ♖:a2 20. ♘ef4 ef 21. ♘:f4.

Белые могли продолжать 21. ♘:c4 ♖a1+ 22. ♘b2 ♖:d1 23. ♖:d1 ♖g8! 24. ♘f6 ♖g7 25. ♘g8 ♖e7 26. ♘:h7 ♖:h7 27. ♘:h7 ♖:h7 28. ♖f8+ ♖g8 29. ♖h6+, и ничья.

21... ♖:f4! 22. ♖:f4 c3.

Теперь уже позиция белого короля опаснее, чем у черного.

23. ♘c4.

После 23. ♖f7 ♘b4 24. ♘d3 ♖a1+ 25. ♘b1 ♘e6! 26. ♖:e6 ♖g5+, и мат на следующем ходу.

23... ♖a3!

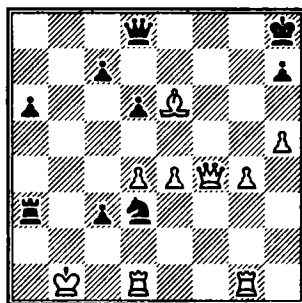
В своих комментариях к партии, которую Гуфельд называет «бессмертной», он отмечает, что это не только самый трудный ход в партии, но и, может быть, в жизни! После естественного атакующего продолжения 23... ♖a4 24. ♘b3 белые отбивали атаку. К примеру: 24... ♖a3 25. ♘c2 ♘e6 26. d5 ♘b4+ 27. ♘:c3, и белые выигрывают.

24.fg ♘b4 25. ♘b1!

Белые идут на жертвы, чтобы разорвать матовую сеть. Если 25...c2+ 26. ♘b2 cd♖ 27. ♖:d1, и теперь грозит ♖f1, а также ♘:a3, и хотя у черных лишняя фигура,

король не защитим.

25... ♘e6! 26. ♘:e6 ♘d3!

Жертвы фигур, ради включения ферзя в атаку с темпом. Конь, конечно, неуязвим из-за 27... ♖b8+ 28. ♘c2 ♖b2+, и мат в следующий ход.

27. ♖f7 ♖b8+ 28. ♘b3 ♖:b3+ 29. ♘c2 ♘b4+! 30. ♘:b3.

После 30. ♘c1 ♖b1+! 31. ♘:b1 ♘d5+ 32. ♘c2 ♖b2+ 33. ♘d3 ♖b5+ 34. ♘c2 ♖e2+ 35. ♘b3 ♖b2+ 36. ♘c4 ♖b5x.

30... ♘d5+ 31. ♘c2 ♖b2+ 32. ♘d3 ♖b5+!

Белые сдались, так как на 33. ♘c2 следует 33... ♖e2+ 34. ♘b3 ♖b2+, и мат следующим ходом.

Гроссмейстер Гуфельд считает эту партию своим лучшим творческим достижением. Он пишет, что в ней «... черные не предлагали в жертву только королевского слона (да и то потому, что разменяли его еще в дебюте) и ферзя, призванного нанести решающий удар».